

Аветисян Гаяне

Лучшая из профессий

Белая легковушка, наполненная звонкими голосами, спускалась по серпантину горной дороги. Кроме водителя в ней сидело еще три человека. Обычный журналистский рейд на заданную тему. Тема была хоть и банальна, но с горчинкой: о том, возможно ли, чтобы профессия влияла на судьбу? Вопросы были подготовлены заранее, и нужно было лишь не ошибиться в выборе интересных людей с незаурядной счастливой судьбой. Для репортажа был выбран районный центр, где в дачном поселке жили предполагаемые герои.

Пока водитель легковушки старательно объезжал ухабины разбитой дороги, молодые люди комментировали увиденное. Никому не хотелось жить в деревне. Какая, наверное, тоска родиться и всю жизнь прожить на скудном клочке земли без городских удобств и развлечений!

Журналисты Майя и Арсен, перебивая друг друга, поддерживали шумный диалог. Оператор Овик иногда вставлял нужную репризу, и только водитель машины молчал. Он сам был родом из деревни, поэтому не спорил с молодыми.

В дачном поселке журналистов ждали в большом каменном доме с цветущим садом и бассейном. Хозяин дома, писатель, пригласил своих друзей, людей известных и успешных: режиссер театра, актриса, художник. Все герои репортажа были людьми счастливой судьбы, благодаря именно своей профессии. Им не впервые приходилось выступать перед телевизионной камерой и делали они это также искусно, как и то, что составляло суть их интересной жизни.

Когда легковушка подъехала к большим железным воротам, на просторной веранде дома за большим овальным столом сидели люди, чья судьба могла стать примером для подражания. Актриса кокетливо перешептывалась с режиссером, тогда как художник смотрел в сторону леса, очевидно, придумывая новый сюжет картины. Писатель, увидев гостей, поспешил им

навстречу. Радужный хозяин пригласил всех в дом, предлагая холодные напитки и кофе. Официальную часть встречи было решено отложить к полудню, и за философскими разговорами о жизни перейти в сад на маленький пикничок.

Майя немного волновалась, так как впервые оказалась в гостях у настоящей знаменитости. Со школьных лет она мечтала стать журналистом, так как была абсолютно уверена в том, что только профессия может изменить судьбу человека. А профессия журналиста тем более. Новые встречи, новые люди и, быть может, новый поворот судьбы?

Арсен мечтал о карьере журналиста-международника, и всякая новая встреча с именитостью была для него очередной подсказкой на экзамене под названием жизнь. Он старался подражать людям успешным, не повторяя чужих ошибок.

Только Овик безучастно относился к подобного рода разговорам, думая лишь о том, как удачно отснять очередной материал. Ему безразличны были чужие судьбы, профессии и характеры, так как с детства его интересовала материальная сторона жизни, и никакие убедительные доводы не могли изменить единственного мнения – любая проблема решалась с помощью денег и создавалась из-за их отсутствия.

Водитель белого жигуленка, наспех выпив кофе, распрощался со всеми до вечера. В соседней деревне жила его мать, и он решил проведать ее, пока в цветущем саду каменного дома отснимут последние кадры на заданную тему. На шум хриплых тормозов и нескольких коротких гудков возле старого дома никто не вышел. Хозяйка дома, пропалывая огородную грядку огурцов и помидоров, никого не ждала. Имея шестерых детей, она доживала свой век одна, никого не обременяя своей старостью. Дети со своими семьями жили в разных местах, и только младший сын Ваган изредка приезжал навестить мать, да еще старшая дочь, что жила в соседнем районе. Несколько сот земли и почерневший дом были для нее единственным пристанищем. Она жила правильно, как жили ее родители, односельчане, и другой жизни себе не

представляла. Пропалывая грядку сухонькими морщинистыми руками, она думала о своих внуках: «Хорошо, если бы приехали! Прошлым летом всю шерсть перешила, одеяла китайским шелком перелицевала. Теперь постель у нее королевская! Стены в спальне сама побелила, осталось потолок покрасить». – А в чемодане под кроватью она хранила новые вещи из тех, что ее соседка привозила из приграничного района. – «Когда-нибудь и они пригодятся. Девочки так быстро растут! Неужели доживет до внучкиной свадьбы?». Мысли о свадьбе прервал мужской голос:

– Мам! Мама! Ты где?

Она повернулась в сторону калитки и увидела сына, идущего навстречу.

– Сынок! Ваган!

Крепкие мужские руки обняли ее, и она только на миг спрятала свое лицо, уткнувшись в мягкую фланелевую рубашку сына.

– Сынок, как же это я не услышала?

Она улыбнулась виноватой счастливой улыбкой.

– С дороги, наверное, устал, проголодался. Пойдем в дом, сейчас соберу на стол.

Мать засуетилась возле печи, и, как только щепки разгорелись, спустилась в погреб за мацуном и яйцами. В погребе было прохладно, темно. Она приоткрыла дверь, чтобы впустить тонкую полоску дневного света и стала отбирать яйца, что лежали сверху широкой плетеной корзины. Руки дрожали от волнения, всякий раз, когда случалось что-то неожиданное, а ноги, казалось, идут не по деревянному, а по ватному полу, проваливаясь куда-то вниз. Она не обращала внимания на болячки, прогоняя их своим безразличием. Крепкой ей уже не быть. Зачем спорить с возрастом? Да и много ли радостей ждать? Только бы дети были здоровы и счастливы. Только им было бы хорошо.

Ваган тем временем растянулся на старенькой тахте – как когда-то в детстве. Уставший, он приходил домой, весело пригоняя отару овец с верхних пастбищ. Тогда он мечтал о городе. Горы он любил всем сердцем, и все же

рассказы сверстников о городских соблазнах волновали его воображение. Ему хотелось настоящих рискованных приключений, чьи следы можно было бы скрыть только на ничейных улицах большого города.

В город он попал, сдав успешно экзамены в политехнический, но его авантюрным мечтам не суждено было осуществиться. Именно поэтому он так любил приезжать в отцовский дом, где родился, вырос и искал лишь тихого уединения и материнской ласки, как в детстве.

Сейчас мать приготовит его любимую яичницу. Кажется, что пустяк. Но, только не для Вагана.

В детстве мать готовила яичницу на костре в глубокой сковородке из толстого чугуна. Он ел прямо из сковороды, доставая ее кусочками хлеба. Это в городе едят вилкой. И жарят яичницу на газе или плите. Но это уже совсем не то. Настоящую яичницу готовят на костре и едят руками.

– Сынок, о чем думаешь?

Мать торопливо расставляла еду.

Ваган улыбнулся. На печке стояла глубокая сковородка из толстого чугуна.

– О тебе, мам джан, о тебе. Беспокоюсь я. Как ты тут одна?

– Одна? Да разве я одна? Со мной вот эти стены, что меня стерегут. Наш сад. Посмотри на инжировое дерево, посмотри, как оно выросло. А ведь его ты посадил. А розы! Как они разрослись! А вон маленькое гранатовое дерево. Наш сад не дает мне скучать. У меня все хорошо. Расскажи лучше о себе. Как дети? Как Наира?

– Скучают. Приветты тебе передают. Я их через месяц привезу. Я ведь по делам здесь. Журналистов привез.

Сказал, будто сожалел о чем-то. Материнское сердце не обманешь. Ее сын, Ваган, работает шофером, развозит людей. А ведь у него есть специальность. Жаль, не пришлось ему применить свои знания.

– Журналистов? – переспросила мать.

– И что же журналисты хотят узнать? Что в наших краях есть такого интересного?

– Да тут недалеко писатель живет. Он своих друзей пригласил. И все, между прочим, известные люди. Вот о них и снимут фильм.

– Известные люди, говоришь? Значит, о простых людях фильмы уже не снимают?

– Да ладно тебе, мам. Ведь эти журналисты совсем еще дети. Что они знают о жизни?

– Твоя правда, сынок. Только детям и надо рассказывать о жизни. О дороге освещенной, с которой нельзя сворачивать.

Ваган знал и не спорил с матерью. Да и ей самой не хотелось говорить о чужих. Пусть живут своей жизнью, жизнью известных людей. А она лучше о внуках поговорит. Куда ведь интереснее!

За разговорами спустились в сад. Лето только начиналось, и земля была уже прогретой, можно было босыми ногами прикоснуться к ее теплу. Кажется, ничего не изменилось; разве что инжир подрос и розы разрослись. Ваган подходил от дерева к дереву, мысленно возвращаясь в свое детство. Тогда жизнь казалась простой и понятной, подобно молодому деревцу. Весной оно расцветало, а к осени приносило плоды. И так было каждый год, пока ствол дерева не разрастался, становился толще, а ветки сухими. Тогда уже ни солнце, ни вода не могли вернуть былую стройность. Он посмотрел на мать. Она была по-прежнему красива, красотой старого человека. Глаза остались такими же теплыми, материнскими. И множество мелких морщинок не делали лицо некрасивым. Он подумал о журналистах, совсем еще детях, которые пытаются разобраться в судьбах людей взрослых. Возможно ли прочитать судьбу по морщинкам? Или за ними скрывается то, о чем обычно не говорят?

– Мам, хочу спросить тебя. Ты счастлива?

Старая женщина удивленно посмотрела на сына.

– Я? Не знаю, сынок. Никогда об этом не задумывалась. А почему ты спрашиваешь о счастье?

– Помнишь, ты рассказывала о том, как тебя сватал городской парень? Ты могла бы жить в городе. Получить образование и профессию. Твоя судьба могла сложиться по-другому. Намного лучше.

– Лучше?

Мать посмотрела на сына с грустью. Но через минуту глаза ее вновь потеплели, и она с легкостью ответила:

– Я бы ничего не стала менять в своей судьбе, сынок. Ничего.

Поздним вечером белая легковушка ехала обратно в Ереван. Майя с Арсеном обменивались короткими фразами. Сюжет получился отличный. Оказалось, все герои отснятого фильма были людьми счастливыми. Их счастье было запрограммированным. Что может быть лучше известности и поклонения? Цветы, аплодисменты, признание простых людей. Об этом ведь многие мечтают.

Майя была немного взволнована. Писатель подарил книгу с автографом, а художник пригласил посмотреть новые картины. Все герои сюжета говорили искренне. Единственное, о чем они умолчали, так это о том, что всякая известность имеет свою изнанку, на которой красота приобретает весьма расплывчатые формы. Порой, даже уродливые.

И только Ваган всю дорогу молчал. Он думал о своей матери. Когда дорожные фонари затухали, в смотровом окне появлялось ее лицо. Оно с тревогой смотрело на Вагана, предупреждая его об опасности. Но как только машина выезжала на освещенную дорогу – глаза ее вновь наполнялись мягким светом. Они смотрели из-под множества маленьких морщин, не делающих ее лицо некрасивым, потому что каждая из них была материнской.